

«Дорожная карта» для России и Грузии

А.М. Высоцкий

События в Южной Осетии в августе 2008 года отбросили российско-грузинские отношения, пожалуй, к низшей точке в истории. Главным позитивным моментом является тот факт, что ни одна из сторон объективно не заинтересована в сохранении подобного «статус-кво».

Как ни странно, но три года, прошедшие с драматических событий августа 2008 года, стали едва ли не самыми спокойными в «прифронтовой» жизни грузин, осетин и абхазов за последние 20 лет. Конечно, политическая риторика не сбавляла накала. Слова об оккупации трети территории Грузии рефреном звучат в каждом публичном выступлении - неважно, по какому поводу, - президента М. Саакашвили. В свою очередь, власти России, Абхазии и Южной Осетии продолжают занимать жесткую позицию в отношении самого президента Грузии.

Тем не менее, в практическом смысле в вопросах обеспечения безопасности в регионе достигнут заметный прогресс. Миротворческая цель российской операции, по факту, достигнута. Непрерывные вооруженные провокации с обеих сторон грузино-абхазской и грузино-югоосетинской границы, характерные для 1991 – 2008 годов, практически прекратились. На местах, при посредничестве российских военных, налажен приемлемый диалог по поводу решения возникающих проблемных ситуаций.

В психологическом смысле стороны отошли на достаточное расстояние от линии непосредственного соприкосновения и «опустили рукава». Грузины понимают, что в военном смысле не могут что либо противопоставить России. Их действия перешли в риторическую плоскость. Абхазия и Южная Осетия чувствуют себя спокойно и комфортно под юридически и позиционно закрепленным российским «зонтиком». Сепаратистские настроения нашли свой выход и более не требуют регулярной «подпитки» военными средствами. Постепенно, преодолевая серьезные

сложности и при большой российской поддержке, народы этих стран впервые за 20 лет перешли к созидательной работе. Их лидеры, условно говоря, сменили «военную форму» на «гражданский костюм».

Россия может позволить себе не обращать внимания на грузинские демарши и вести операционально более простую политику в регионе. Вопрос о вступлении Грузии в НАТО потерял актуальность. Что касается вступления России в ВТО, то приоритетность этой темы для российского руководства не стоит переоценивать. Здесь Москва готова ждать. Подобное положение дел, с одной стороны, представляется достаточно приемлемым для всех сторон конфликта. Абхазия и Южная Осетия рады своей вновь обретенной независимости и спешат ею воспользоваться.

Россия в 2008 году недвусмысленно очертила «красные линии» для отношений с основными зарубежными партнерами Грузии, «остудив» в этом смысле многие «горячие головы». Тем самым были созданы предпосылки для последовавшей российско-американской «перезагрузки», подписания Договора по СНВ и в целом того позитивного импульса, который наблюдался в отношениях Москвы и Вашингтона в 2008-2011 годах. Наконец, президент Грузии имеет возможность апеллировать к мировому общественному мнению и своим согражданам, списывая на Россию любые проблемы своей страны. И при этом – не опасаясь новой войны. То есть, проблему сепаратистских территорий он по внутривнутриполитическим мотивам держит «на щите», при том, что ее решение, невозможное в практическом плане, по понятным причинам отложено в «долгий ящик».

Высоцкий Александр Михайлович – преподаватель кафедры истории международных отношений и внешней политики России, аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: vysotsky@inbox.ru

■ Международные отношения

Тем не менее, в глазах как российской, так и грузинской общественности нынешнее состояние двусторонних отношений представляется скорее ненормальным, чем возможным. И в этом смысле настроения граждан двух стран диктуют своим политическим элитам некую кооперативную модель поведения, то есть нормализация двусторонних отношений воспринимается как некая цель. Скоротечная августовская война в этом смысле оказала мало влияния на климат в отношениях двух народов, и это не может не радовать. По своим последствиям она была скорее «экстравертной» и больше повлияла, скажем, на отношения и России, и Грузии с Соединенными Штатами. По мере того, как в российско-американских отношениях разворачивалась «перезагрузка», президент М. Саакашвили становился все менее желанным гостем в Белом доме. И винить ему в этом было некого, кроме самого себя.

В результате, и Россия, и Грузия – каждая на свой лад, – заявляют о стремлении нормализовать двусторонние отношения. При этом каждая по-своему обуславливает такую нормализацию. Условие с грузинской стороны – некий «уход» России из Абхазии и Южной Осетии (речь, видимо, идет и о прекращении военного присутствия, и об «отзыве» признания их независимости). Условие с российской стороны – уход М. Саакашвили. Выполнение первого (грузинского) условия требует фантастических изменений во всем политическом контексте. Для выполнения же второго (российского) – достаточно для просто эволюционного развития ситуации. Рано или поздно его реализация неизбежно произойдет. И тогда «окно» для нормализации будет, наконец, открыто.

На самом деле, некие элементы практической нормализации отношений между двумя странами уже просматриваются. Так, возобновлено прямое авиасообщение, в Тбилиси и Москве действуют при посольствах Швейцарии «секции интересов» двух стран. Наконец, идет, пусть непростой, но все же диалог по поводу ВТО.

С уходом М. Саакашвили подобная практическая нормализация имеет шансы вылиться и в пусть относительную, но все же ощутимую политическую нормализацию. При этом надо понимать, что такие тенденции на первом этапе возможны лишь в двустороннем российско-грузинском формате. Что касается отношений Грузии с Абхазией и Южной Осетией, то и тут «ключи» к нормализации лежат в «кармане» у Москвы. И в этом смысле даже у радикально настроенных грузинских политиков должно постепенно сформироваться осознание необходимости нормализации отношений с Россией – если не как цели, то хотя бы как средства выйти из внешнеполитического тупика (куда зашла и проблема сепаратизма, и отношения Тбилиси с Западом).

Однако любая политическая нормализация российско-грузинских отношений имеет шанс «пойти» только после ухода М. Саакашвили. Нравится это кому-то или нет, но в Москве с ним дела иметь не будут, и от этого факта необходимо от-

талкиваться. Таким образом, уход М. Саакашвили можно считать «стартовым рубежом» для политической нормализации.

Проблема будущих переговорных позиций. Замена М. Саакашвили на любого другого деятеля, пусть даже из ближайшего окружения нынешнего президента Грузии, поставит перед российской и грузинской политическими элитами ряд новых и тяжелых вопросов. Но одновременно откроет и новые возможности для диалога и поиска компромиссов. Для успеха политической нормализации каждой стороне необходимо четко осознавать границы таких компромиссов, за которые противоположная сторона не выйдет ни при каких условиях. Попробуем обрисовать эти границы для России и Грузии.

На интуитивном уровне подобные рамки кажутся достаточно очевидными. Официальный Тбилиси не согласится с независимостью Абхазии и Южной Осетии. Любой «сменщик» М. Саакашвили на уступки в этом принципиальном вопросе не пойдет – это означало бы для него политическое самоубийство. Россия, в свою очередь, не «отзовет» признания независимости двух бывших автономий в Грузии. Чтобы пойти на такой шаг, ценность Грузии в глазах России должна была бы выйти на уровень континентального Китая для администрации президента Р. Никсона. Понятно, что этого никогда не произойдет.

На этом предельно жесткие позиции сторон, по сути, исчерпываются. Представляется, что подобная расстановка ограничительных «флажков» оставляет обеим странам достаточное пространство для компромиссов. Заметим, что в контексте будущего российско-грузинского переговорного процесса необходимо четко различать две категории: **урегулирование** двусторонних отношений и **разрешение** их основной проблемы (вопрос о статусе Абхазии и Южной Осетии). В дальнейшем мы будем говорить лишь об **урегулировании** конфликта, то есть, согласно определению видного исследователя международных процессов М.А. Хрусталева, о переводе проблемной ситуации из **конфликтного** состояния в **кооперационное**¹.

Классическим примером такого перевода является российско-японский диалог о статусе Курильских островов. Жесткая позиция сторон в этом вопросе, отказ Японии от любых компромиссов, в том числе на основе известной Московской декларации 1956 года, не мешают Москве и Токио развивать взаимоотношения и сотрудничать по всем вопросам, кроме чувствительного и психологически болезненного территориального.

В случае с Абхазией и Южной Осетией ситуация более сложна. Дело в том, что здесь **разрешение** проблемы в принципе невозможно на двустороннем российско-грузинском треке. В двустороннем формате можно говорить лишь об урегулировании отдельно взятых отношений

Москвы и Тбилиси, которое, в теории, может создать предпосылки для начала многосторонних переговоров о разрешении проблемы. Но подойти к разрешению четырехсторонней проблемы без урегулирования двусторонней – невозможно. В то же время, как показывает российско-японский опыт, урегулирование может быть устойчивым, даже если разрешение отложено на неопределенный срок.

Конечно, здесь у Тбилиси может возникнуть соблазн добиться урегулирования с отколовшимися республиками некими политическими средствами «в обход» России. То есть, урегулировать и приступить к решению проблемы Абхазии и Южной Осетии либо самостоятельно, либо с опорой на какого-то внешнего посредника, но не России. Вероятность таких попыток исключить нельзя. Однако их шансы на успех близки к нулю сразу по нескольким причинам. Что касается двустороннего диалога, то он вряд ли возможен по причине стабильного и понятного недоверия к Тбилиси со стороны Сухуми и Цхинвали. Вопрос о другом посреднике (вместо России) представляет теоретический интерес. Но и здесь США, ЕС или Турция вряд ли захотят брать на себя такую роль:

- во-первых, потому, что такой шаг поставил бы под удар их отношения с Москвой;
- во-вторых, потому, что требовал бы некоего, пусть де-факто, но признания самостоятельности Абхазии и Южной Осетии.

Эти два обстоятельства вряд ли позволят найти пути урегулирования отношений в треугольнике Тбилиси-Сухуми-Цхинвали без участия Москвы. В свою очередь, нормализовав отношения с Тбилиси, уже сама Москва могла бы задуматься о переводе грузино-абхазско-югоосетинского урегулирования в более широкий международный формат. Создание некоего клуба посредников, по примеру Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху, придало бы процессу урегулирования более солидный статус. Такой шаг, в теории, мог бы повысить внешнеполитический вес Сухуми и Цхинвали, и фактически перевел бы переговоры об их статусе в официальный и благообразный международный контекст.

Тем самым, отношения России с конфликтующими сторонами вышли бы из-под риска ударов, связанных с конъюнктурой урегулирования (как это уже произошло в российско-армянских и российско-азербайджанских отношениях: и с Ереваном, и с Баку Москва поддерживает стабильный партнерский, доверительный диалог вне зависимости от перипетий нагорно-карабахского урегулирования).

Возможные опасения, что при таком сценарии процесс урегулирования может «выскользнуть из рук» России, скорее всего, надуманны. Хорошим примером является тот же Нагорный Карабах. Степень участия и вовлечения России в дела Южного Кавказа делает Москву объективно «неизбежным игроком» – без нее в урегули-

ровании региональных конфликтов возможны некоторые подвижки, но не какой бы то ни было результат. Однако все эти вопросы относятся не к настоящему, а к будущему. Его близость или отдаленность напрямую зависит от прогресса в нормализации двусторонних российско-грузинских отношений.

«Дорожная карта» урегулирования. Каков мог бы быть примерный перечень, «дорожная карта» шагов Москвы и Тбилиси навстречу друг другу в рамках решения задачи по нормализации (урегулированию) двусторонних отношений? Эти шаги можно подразделить на две категории – возможные в одностороннем порядке и те, где необходимы синхронные действия обеих сторон. По поводу как одних, так и других сторонам необходимо договариваться. То есть, в неофициальном порядке наметить и затем официально согласовать перечень таких шагов. Представляется, что взаимно согласованные шаги имеют больше шансов на успех и надежнее продвинут стороны к тому, чтобы вывести их отношения из нынешнего кризиса.

Порядок, очередность этих шагов (не путать с перечнем) подлежит обсуждению. Свои плюсы есть в каждом из возможных сценариев. Восстановив сразу и в полном объеме дипломатические отношения, Москва и Тбилиси смогут создать мощный позитивный импульс и установить официальные рамки для переговоров по конкретным вопросам. С другой стороны, согласовав и первоначально осуществив ряд «малых шагов» и сделав официальное восстановление дипломатических отношений некой кульминацией данного процесса, можно избежать разочарования от возможно не столь быстрого прогресса по «конкретике» в первом случае.

Абстрагируясь от конкретной последовательности действий, можно попробовать обозначить их номенклатуру. Итак, очевидным представляется синхронное восстановление дипломатических и нормализация консульских отношений (неважно, на каком этапе урегулирования). Для начала можно было бы урегулировать визовые вопросы, создать в них симметрию, которой сейчас не наблюдается ни у той, ни у другой стороны. Безвизовый режим для жителей российского Северного Кавказа стал еще одним ходом в попытке Тбилиси разыграть против Москвы «северокавказскую карту» (наряду с запуском «Первого кавказского» телеканала и признанием геноцида черкесов в Российской империи). Со своей стороны, Россия приняла решение выдавать визы только отдельным категориям грузинских граждан (например, тем, кто имеет родственников в России). Такой шаг сложно назвать эффективным, так как он чреват ростом подлогов и коррупции в визовых вопросах.

Конечно, идеальным вариантом был бы переход к безвизовому режиму или системе, при которой виза выдается прямо на границе/в аэропортах прибытия. Ещё одной действенной мерой по укреплению доверия мог бы стать юридически закрепленный отказ сторон – России и Грузии, – от применения силы в двусторонних отношениях.

■ Международные отношения

Здесь возникает сразу множество проблем. Россия требует от Грузии гарантий неприменения силы против Абхазии и Южной Осетии, гарантий не повторения грузинской агрессии августа 2008 года. Однако на двустороннем уровне такой документ не подпишешь – здесь нужно подключать осетин и абхазов, и заключать некое пакетное соглашение, под которым стояли бы подписи Тбилиси, Сухуми и Цхинвали с одной стороны, и российская подпись – с другой, скорее посреднической. Вопрос, пойдут ли на такую форму соглашения конфликтующие стороны. Осетины и абхазы не доверяют грузинам, а последние могут отказаться подписывать какие-либо документы с теми, кого они считают нелегитимными представителями сепаратистов.

Какими бы могли быть выходы из данной ситуации? Один из возможных вариантов – подписать двусторонний российско-грузинский меморандум, в котором заявить о преодолении кризиса в двусторонних отношениях (может быть, синхронизировав его подписание с восстановлением дипломатических сношений) и намерении впредь искать разрешения существующих между сторонами разногласий по вопросам региональной политики исключительно мирными средствами. Такой документ носил бы, с одной стороны, недвусмысленный и обязывающий характер, с другой – не ущемлял бы абхазских и югоосетинских интересов.

Другим важным, на этот раз целиком политическим, шагом стало бы возвращение Грузии в Содружество Независимых Государств. Демонстративный выход из СНГ был эмоциональным жестом М. Саакашвили, но, по сути, Содружество не заслуживало подобного к себе отношения. Да и в Грузии это быстро поняли, попросив сохранить свое участие в нескольких десятках совместных документов СНГ². В конце концов, из всех стран Содружества независимость Южной Осетии и Абхазии признала лишь Россия. Поэтому серьезных претензий к данной региональной организации у официального Тбилиси быть не должно. Тем временем, возвращение Грузии в состав Содружества было бы важным жестом с психологической точки зрения.

Третий и весьма непростой шаг лежит в российской зоне ответственности. Москва могла бы публично заявить о своем стремлении способствовать урегулированию грузино-абхазских и грузино-югоосетинских отношений. Здесь возникает целый «букет» проблем. Прежде всего, такое заявление по форме должно устраивать и Тбилиси, и Сухуми, и Цхинвали. С последними Москве необходимо в целом координировать все свои шаги навстречу Тбилиси. То есть, с одной стороны, будущее российское заявление не должно ставить под сомнение российское признание независимости Абхазии и Южной Осетии. А с другой – оно должно устраивать Тбилиси при том понимании, что Россия продекларирует свою готовность признать и приветствовать любой формат урегулирования, которые все стороны конфликта сочтут

приемлемым. Тем самым формально не будут закрыты пути к любому варианту разрешения проблемы, а урегулирование российско-грузинских отношений получит важное подспорье.

Четвертый шаг, или, вернее, группа шагов, лежит в торгово-экономической плоскости. Что бы ни говорил М. Саакашвили о том, что для Грузии российский рынок не так важен, все квалифицированные специалисты понимают: доступ к российскому рынку – это краеугольный камень экономического развития «Сакартвело». У Грузии есть лишь две отрасли, которые способны стать фундаментом ее социально-экономического возрождения. Это сельское хозяйство и туризм. И в обоих случаях именно российский рынок является для Грузии приоритетным. Он способен и готов предъявлять высокий и платежеспособный спрос на традиционно известные грузинские товары и услуги (будь-то вино, минеральная вода, сыр или же морские и горнолыжные курорты). И в этом смысле восстановление российско-грузинских торгово-экономических отношений, второстепенных для Москвы, должно стать приоритетом для любого ответственного политического лидера, который придет на смену М. Саакашвили. Помноженное на реальные экономические и административные успехи, достигнутые Грузией в последние годы, подобное восстановление торгово-экономических связей с Россией может стать для Грузии прологом к экономическому и инвестиционному «буму».

В пропагандистской области обеим сторонам следует постепенно и взаимоувязано отходить от жесткой критики в адрес друг друга. Навязывание «образа врага» контрпродуктивно, здесь следует договориться о прекращении наиболее одиозных форм идеологической борьбы. Россия привыкла к тому, что ее действия в соседних странах рассматриваются под увеличительным стеклом и вызывают относительно более эмоциональную реакцию. Специфика ситуации в том, что для таких стран как Грузия, Польша или государства Балтии, «российский вопрос» стоит в центре внешнеполитической повестки и общественного внимания. В то время как в российской внешней политике и общественном мнении эти страны играют периферийную, зачастую несамостоятельную роль (исключением, на наш взгляд, является лишь Украина). Фокус на них смещается эпизодически, что способствует сглаживанию эмоционального фона, страхует от опасного нагнетания политических страстей.

В этом смысле идеологической работе с этими странами стоит уделять повышенное внимание – ведь к каждому слову, произнесенному из Москвы, там прислушиваются с утроенным вниманием. В связи с этим, грамотно выстроив идеологическое сопровождение политики в грузинском вопросе, можно было бы реально поспособствовать укреплению взаимного доверия (как это уже происходит с Польшей).

Другим важным элементом в психологической области является нормализация ситуации

с изучением и применением в Грузии русского языка. Амбициозная задача перехода на английский и, тем самым, приобщения к традиционному Западу и в Грузии, и во многих других странах постсоветского пространства, решена была лишь частично. Сложилась ситуация, при которой более состоятельные и образованные слои населения знают и русский, и английский, большинство же, в первую очередь молодежь, как следует не говорит ни на том, ни на другом.

В результате, значительная часть общества оказывается отрезанной от современного мира, от ключевых достижений науки и культуры, от качественного образования. Теряется конкурентоспособность отдельно взятых стран, их восприимчивость к чему-то новому. Учитывая, что в случае с постсоветским пространством русский язык представляет собой наиболее естественный путь доступа к «золотому фонду» мировой культуры, науки и литературы, восстановление его изучения и применения являлось бы мудрым шагом для многих стран, включая Грузию.

Напрямую с вопросом русского языка связан и вопрос того, как власти сегодняшней Грузии формулируют государственную позицию и официальную трактовку роли России в истории грузинского народа. История – предмет сложный и дискуссионный. Однако в данном конкретном случае сложно переоценить ту огромную позитивную роль, которую с XVIII века Россия играла для Грузии, фактически спасая этот кавказский народ от порабощения динамичным, но чуждым в культурно-религиозном смысле окружением. Сама за себя говорит и та огромная роль, которую многие и многие этнические грузины всегда играли в российской истории, политической и общественной жизни страны, ее культуре и повседневной жизни.

В этой связи слова о «двухсотлетней оккупации Россией», которые звучат из уст М. Саакашвили и других грузинских политиков, не просто являются откровенной ложью, но и призваны переписать историю дружбы двух народов, посеять семена вражды. Отход от такой позиции и возвращение к трезвому и непредвзятому анализу российской роли в грузинской истории, который неизбежно приводит к совсем иным выводам, являлся бы важной и востребованной трансформацией.

Риски и нюансы урегулирования. Говоря о практическом аспекте будущего российско-грузинского урегулирования, важно подчеркнуть, что диалог Москвы с будущим грузинским руководством предпочтительно вести без посредников. Пойдя навстречу желанию энергичного французского президента Н. Саркози и согласившись на его малосодержательное, но внешне эффективное посредничество в событиях 2008 года, российская сторона в дальнейшем может позволить себе обойтись в диалоге с будущей властью в Тбилиси без околичностей. Это, конечно же, не исключает привлечения дополнительных посредников уже на стадии возможных четырехсторонних перегово-

ров в системе Россия – Грузия – Абхазия – Южная Осетия.

Еще одним важным моментом для России является строгое соблюдение своих обязательств перед партнерами в Абхазии и Южной Осетии. Очевидно, что любые шаги Москвы и Тбилиси навстречу друг другу будут крайне чувствительны для Сухуми и Цхинвали. Поэтому их следует всецело, полно и превентивно информировать о любых будущих шагах в диалоге с Тбилиси. Любые их озабоченности должны приниматься во внимание и последовательно сниматься. Следует в полном объеме подтвердить все гарантии безопасности и юридические обязательства, взятые на себя Москвой. Такая политика будет способствовать дальнейшему укреплению доверия в отношениях Москвы с Сухуми и Цхинвали. А правильная информационная работа должна убедить их в том, что урегулирование российско-грузинских отношений может принести плоды и для их безопасности, и для статуса на международной арене.

Реальный прогресс в российско-грузинском диалоге возможен лишь в случае, если сторонам удастся вынести вопросы Абхазии и Южной Осетии «за скобки» двусторонних переговоров. В таком формате Москва и Тбилиси могли бы добиться, по сути, докризисного уровня взаимоотношений. И тем самым в значительной степени нормализовать региональную ситуацию. Однако подобная нормализация скрывает в себе одну фундаментальную угрозу, потенциально способную поставить под удар весь теоретически возможный процесс российско-грузинского урегулирования. Нынешняя ситуация в двусторонних отношениях, при всей ее ненормальности, имеет один важный плюс в глазах Москвы. Грузия, имеющая открытый конфликт с Россией, никогда не вступит в Севератлантический альянс. В НАТО могли бы «закрывать глаза» на вялотекущий сепаратизм в Абхазии и Южной Осетии, особенно если бы Россия не пошла на признание их независимости. Однако вступать в открытый конфликт с Москвой, интегрируя откровенно враждебную Грузию, там вряд ли захотят.

В случае же, если российско-грузинские отношения начнут возвращаться в нормальное русло, Тбилиси может вновь заявить о своих евроатлантических чаяниях, тем более, что такой курс пользуется массовой поддержкой грузинского населения. При этом Россия, вступив в кооперационную модель взаимоотношений с Тбилиси и параллельно поддерживая партнерские отношения с НАТО, уже не сможет резко возражать против планов Грузии войти в альянс. Любой миротворческий процесс при посредничестве России в абхазском и югоосетинском вопросах рискует лишь усугубить это противоречие.

Выход из такой неприятной ситуации следует искать заранее, не дожидаясь ухода М. Саакашвили. Сложно оценить, каким бы он мог быть. Очевидной представляется необходимость углубления российско-натовского диалога по чувствительным вопросам, таким, как ЕвроПРО. Выход на

■ Международные отношения

тесное взаимодействие в стратегических аспектах мог бы снизить потенциально напряженность в отношениях Москвы и альянса. Кроме того, важно понять, насколько твердым является нежелание западноевропейских партнеров России расширять НАТО в случае, если такой процесс вызывает озабоченность Москвы. Если судить по итоговой декларации саммита НАТО в Бухаресте 3-4 апреля 2008 года, где говорится, что «Украина и Грузия станут членами НАТО»³, то надо полагать, что подобное нежелание еще требует доказательств.

«Другой стороной медали» является тот факт, что в принципе постановка отношений с ближайшими соседями в зависимости от НАТО не соответствует фундаментальным российским интересам. И увязывать процесс российско-грузинского урегулирования с перспективами российско-натовских и грузино-натовских взаимоотношений, то есть фактически подчинять региональную роль России флуктуациям натовской стратегии, было бы, скорее всего, неверно.

Представляется также, что прогресс в диалоге с Тбилиси мог бы иметь для Москвы и важные позитивные внерегиональные последствия. И речь здесь не только о вступлении в ВТО. Ряд результатов достигался бы и в контексте отношений с внешними партнерами Грузии – США и ЕС. После распада СССР именно страны Центральной и Восточной Европы (отнесем к ним и Южный Кавказ), в том числе республики бывшего СССР, служили для Вашингтона надежным плацдармом в Старом Свете. Они безоговорочно поддерживали все, даже весьма сомнительные инициативы Вашингтона, стремились максимально углубить свое взаимодействие с Америкой. Причем, де-факто, рассматривали это как способ продемонстрировать свою независимость, приобрести дополнительный вес в европейских делах, где их позиции казались неравноценными по сравнению со «старыми» державами, а также символизировать тем самым процесс дистанцирования от России.

Достаточно вспомнить операцию в Ираке или миссию в Афганистане, где Грузия содержит самый большой (относительно численности собственного населения) контингент, или идею разме-

щения объектов «третьего позиционного района» противоракетной обороны в Польше и Чехии (из Тбилиси также звучали приглашения разместить эти объекты у себя). Кульминацией такого подхода к Европе и России со стороны США стали слова министра обороны США Д. Рамсфельда о «старой» (якобы, инертной и отстающей от мировых трендов) и «новой» (амбициозной и смотрящей в будущее) Европе. Это мнение он высказал в связи с расколом внутри НАТО по вопросу поддержки вторжения в Ирак⁴.

Нормализуя отношения со странами ЦВЕ и, в частности, с бывшими советскими республиками, Россия, как минимум, «отнимает хлеб» у закоренелых русофобов в приграничных государствах. Благоприятным был бы сценарий, при котором антироссийская риторика в устах политиков в этих странах перестала бы быть своеобразной «данью моде». В этом смысле нормализация отношений не только с самими Соединенными Штатами, но и с их европейскими союзниками и той же Грузией могла бы стать важным элементом «перезагрузки» в российско-американских отношениях.

Такая нормализация стала бы дополнительным аргументом в пользу правильности выбранной Б. Обамой стратегии кооперации с Россией. Если ситуация в российско-грузинских отношениях нормализуется, то это лишним раз подчеркнет выгодный контраст между подходами к России со стороны администрации Дж. Буша-младшего, всячески способствовавшей возникновению той ситуации, которая сложилась в российско-грузинских отношениях после августа 2008 года, и существенно иным подходом администрации Б. Обамы. Возможно, тем самым будет проложен путь к новым достижениям «перезагрузки» в отношениях Москвы и Вашингтона.

Vysotsky A.M. «Road Map» for Russia and Georgia.

Summary: *The article discusses basic problems and opportunities for the settlement between Russia and Georgia. Both countries seem to be dissatisfied by the current situation in their relations. The key issue for the future bilateral talks is how to place Abkhazia and South Ossetia questions outside its frame.*

Ключевые слова

Россия, Грузия, М.Саакашвили, Абхазия, Южная Осетия, урегулирование – разрешение конфликта, «дорожная карта».

Keywords

Russia, Georgia, M. Saakashvili, Abkhazia, South Ossetia, conflict settlement & resolution, «road map».

Примечания

1. М.А.Хрусталев. "Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза", М, 2008 г., С. 86
2. <http://www.rg.ru/2009/08/19/a339901.html>
3. http://www.nato.int/cps/en/SID-CAD7D70B-E08B03FD/natolive/official_texts_8443.htm?selectedLocale=en
4. <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2003/06/mil-030611-rfel-171320.htm>